

59. [Вороватый мужикъ].

Долго ли, коротко ли жилъ Доронъ, неизвѣстно; только послѣ его смерти осталась жена и сынъ холостой. Вотъ черезъ пять лѣтъ приходитъ однажды къ этой вдовѣ старичекъ въ бѣломъ балахонѣ, въ бѣлыхъ лапоткахъ и самъ такой бѣленькій. Сынъ въ это время былъ на работѣ. Вотъ вдова и спрашиваетъ этого старичка: „откуда ты, старичекъ, не съ того ли свѣта выходецъ?“ — „Съ того, хоззяшка, съ того свѣта“, отвѣчаетъ старичекъ. — „Не видалъ ли ты тамъ Доронюшку?“ — „Видѣлъ, видѣлъ, хоззяшка, какъ не видать. Твой Дороня, хоззяшка, у Христа боронить безъ креста и безъ пояса: ужъ больно онъ оборвался“. Сжалилась вдова надъ своимъ мужемъ и говоритъ: „снесешь ли пожалуйста, какъ ты пойдешь туды, гостинчиковъ“. — „Отчего не снести, давай!“ Вотъ она положила въ катомку нѣсколько рубашекъ, [?] конецъ, портяночки, балахонъ новенькій“. — „Да ужъ положь туда, хоззяшка, говоритъ старичекъ, и деньжонокъ. Вѣдь, вотъ онъ и въ трубочку сталъ покуривать и въ праздничекъ иногда вздумаетъ зайти и въ кабачекъ, а вѣдь тамъ ему негдѣ взять и заработать“. Положила хозяйка въ котомочку послѣдніе 15 рублей, заработанные ея сыномъ. „А теперь, хоззяшка, говоритъ старичекъ, одолжи и рыжка твоего, вѣдь мнѣ не снести такую катомичу, а я послѣ приведу его тебѣ“. Снарядила вдова старичка, сѣлъ на рыжка и, распрощавшись, отправился, будучи доволенъ что надулъ вдову.

Вотъ приходитъ сынъ съ работы, а мать и сообщаетъ ему съ такой радостью, что вотъ, дескать, „былъ у меня съ того свѣта выходецъ и сообщилъ, что тятенька твой, мой Доронъ, у Христа боронить безъ креста, безъ пояса и безъ рубашки, что я послала ему гостинцевъ и между прочимъ твои 15 руб. да рыжка довести эту поклажу“. — „Ахъ ты, матушка, матушка! Что мнѣ съ тобой дѣлать? бить тебя грѣшно—мать родная, худыми словами обзывать тоже грѣшно. А вотъ что, уйду я завтра отъ тебя, живи ты, какъ знаешь. И если я найду глупѣе тебя, то приду, а

если нѣтъ, то не ожидай меня!“ Со слезами мать упрасиваетъ своего сына, чтобы онъ не отлучался: „На кого же я останусь? Кто меня будетъ кормить?“—„А какъ хочешь, такъ и живи“, отвѣчаетъ сынъ. На слѣдующій день сынъ всталъ, одѣлся, закусилъ и отправился въ дорогу. Верстъ черезъ 30 подходитъ онъ къ усадьбѣ, видитъ огромный садъ, а въ немъ свинью съ 12-тью поросятами. Вотъ онъ сталъ на колѣни и давай кланяться свиньѣ. Въ это время на балконѣ сидѣла барыня и, увидала этого мужичка, приказала позвать его въ домъ.—„Зачѣмъ ты кланяешься свиньѣ? о чемъ ты ее просишь?“ спрашиваетъ барыня. А мужичекъ отвѣчаетъ: „матушка сударыня! Ваша свинья пестра мнѣ мать крестна, такъ благословенья прошу, жениться хочу“.—„Да ужъ если она тебѣ мать крестна, такъ нужно ее взять тебѣ домой: за столомъ вѣдь благословляютъ“.—„Такъ не отпустите ли, сударыня, вашу свинью съ поросятами, я ихъ не заморю; да ужъ позвольте и лошадку довести ее съ дѣтками“.

Приказала барыня запретъ лошадь и уложить на телѣгу свинью съ поросятами; а, отпуская мужика въ дорогу, говоритъ: „встрѣтишь ты, можетъ быть, по этой дорогѣ барина, такъ ты спроси и Расскажи“. Смекнулъ мужикъ и, не долго думая, отправился со свиньей и поросятами въ свою деревню. Ъдетъ онъ дорогой и слышитъ колокольчикъ. Догадался мужикъ, что ѣдетъ баринъ, свернулъ лошадь въ лядинку и пропустилъ барина, а потомъ опять ѣдетъ.

Вотъ пріѣзжаетъ это баринъ домой и узнаетъ о проказѣ своей жены, тотчасъ запрягаетъ лошадей и отправляется въ погоню за мужикомъ. Догоняетъ мужика и видитъ, что тотъ сидитъ и держитъ что-то подъ шапкой, а лошадь то у мужика въ лядинѣ то спрятана. „Что, мужичекъ, не попадался ли тебѣ на моей рыжкѣ съ телѣгой и со свиньей съ поросятами мужикъ?“ — „Нѣтъ, баринъ, не видалъ“.—„А что ты тутъ держишь?“—„Да вотъ, баринъ, купилъ въ Питерѣ соловья и несу его въ усадьбу“.—„А не догонишь ли ты, мужичекъ на моихъ лошадяхъ“.—„Отчего нѣтъ, баринъ, только ужъ вы покарауйте моего соловья, да не упустите“. Сѣлъ мужикъ на тройку и погналъ, а баринъ съ кучеромъ остались держать шапку. Надоѣло барину сидѣть да и любопытство взяло. „Давай, кучеръ, посмотримъ-ка соловья,

каковъ онъ? — „Да не опустить бы намъ его, баринъ. Я буду поднимать шляпу, а вы, баринъ, съ боковъ руками прихлопните и схватите соловья“. Вотъ кучеръ поднимаетъ шляпу, а баринъ хватъ... и вмѣсто соловья-то оказалась пропавшая ворона. Видитъ баринъ, что мужикъ его надулъ, да дѣлать нечего, и пошелъ домой. А нашъ мужичекъ сталъ жить да поживать со своей матушкой еще лучше прежняго.

Боровичскій у. 1903.

60. Непрощенный сынъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, а именно въ томъ, въ которомъ мы живемъ, былъ случай такой — что сынъ матери нагрубилъ, и она его не простила, и этого дитище ставятъ на службу царскую, а она его не простила. Енъ отслужилъ 30 лѣтъ на царской службѣ, потомъ онъ и померъ, ну вотъ, какъ онъ померъ, мать сыра земля не принимаетъ его, потому его мать не простила, а почему узнали, что мать сыра земля его не принимаетъ, такъ подошелъ случай: къ этому мѣсту пригнали солдатъ стоять, что пришло эту могилу разрыть. Съ этими же солдатами пригнали полковника и поставили его къ мужику, который побогаче, гдѣ фатера почише. У этво хозяина дочка, значить, была молоденька и очень она красавица. И этому полковнику, видишь ли ты, желательно съ ней познакомиться, а не осмѣлится ей сказать, что она не приметъ его разговоровъ. Енъ сталъ просить рядового солдата: „Вы, говорить, попроче, спросите у квартирниковъ, нѣтъ ли въ этой деревнѣ шептуньи эту дѣвицу пришептать“. Ну, вотъ этотъ рядовой солдатъ спросилъ у своей фатерницы, что нѣтъ ли въ вашей деревнѣ шептуньи или ворожей. Этому солдату объяснила фатерница: „есть, говорить, у насъ служебный, старуха, ото всячины излѣчаетъ“. Ну, этотъ солдатъ сказалъ полковнику: „Ваше благородіе, есть, говорятъ, такая шептунья старуха, что всячины можетъ знать“. Ну, этотъ полковникъ, значить, и сошелъ къ этой бабкѣ, ну енъ